

Мой Пушкин

Приближается знаменательная дата 200-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

Произведения гениального поэта проходят через всю нашу жизнь, но творцы соприкасаются с произведениями Пушкина гораздо чаще, они становятся как бы интерпретаторами и воплотителями его созданий. Мы начинаем публикацию материалов о том, чем является творчество А. С. Пушкина для ведущих мастеров Большого театра.

Большой театр. 1999.

Иван Петров 27 мая

Мельник («Русалка»).

Александр Сергеевич Пушкин сыграл в моей жизни очень большую и интересную роль.

Ребенком, когда я еще мало что понимал и семья наша жила в Иркутске, в доме у нас часто бывали гости — родные, друзья, знакомые. Собираясь, пели песни и читали стихи замечательных русских поэтов — Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Тютчева. Все это были прекрасные стихи, но пушкинские строки обладали магическим свойством — запоминаться сразу и на всю жизнь. С тех детских лет и помню я: «Приветствую тебя, пустынный уголок...» Шли годы, и по мере взросления я запоминал другие

пушкинские стихи — и не потому, что учил их — они сами как-то очень легко укладывались в памяти, запоминались и умом, и сердцем: «Я помню чудное мгновенье», «Узник», «На холмах Грузии» — я могу перечислять их и читать наизусть, кажется, без конца. Я рос и развивался на поэзии Пушкина и, можно сказать, впитал ее с молоком матери...

Студентом второго курса музыкального училища имени Глазунова я стал солистом Ансамбля оперы Московской филармонии, которым руководил И. С. Козловский. И с тех пор уже вся моя творческая жизнь связана с Пушкиным. На сцену Большого театра я впервые вышел в партии Сурина в «Пиковой даме», потом пел Заречского в «Онегине», а в Гремине меня заметила уже критика.

В оперном репертуаре, связанном с Пушкиным, я спел почти все написанное для баса. «Алеко», которого не было в театре, я исполнил на Радио под руководством Н. С. Голованова. Борис Годунов открыл мне дорогу на крупнейшие оперные сцены мира. В этой роли я дебютировал в «Гранд Опера» и был первым после Шаляпина русским певцом, вышедшим на парижскую сцену.

Русские композиторы преклонялись перед пушкинским творчеством и ценили пушкинское слово, поэтому столько прекрасных романсов было написано на его тексты.

У меня в руках высказывание одного из образованнейших людей своего времени, А. В. Луначарского: «Вот вам совет, как определить хороших поэтов: если поэт не поется, то пусть бросит писать стихи и пишет прозой. Быть может, окажется прекрасным прозаиком. Стихи должны

петь, петь внутренне, в вашей душе, если вы про себя читаете стихи, невольно ритмизироваться, не логироваться, если вы читаете вслух. Именитые и безымянные композиторы перелагали именно такие стихи на настоящую музыку». Это высказывание Анатолия Васильевича, конечно, прежде всего относится к Пушкину — его стихи хочется петь.

Сила, образность, точность пушкинского слова поразительны. Часто характер его героев складывался для меня не из длинных и пространных описаний, достаточно было одного слова — и в нем заверченный образ. Когда я пел пушкинские (!) оперы, романсы на его стихи, я всегда любовался каждым его словом, их нельзя ни произносить, ни петь равнодушно. Романсы Глинки, Римского-Корсакова, Бородина, Кюи потому и стали музыкальными шедеврами, что авторы их были восхищены поэзией Пушкина.

Они звучали, звучат, их с удовольствием слушают и будут слушать, пока будет существовать Человечество.

Хочу добавить, что, оставив сцену, я не расстался с Пушкиным, и когда меня пригласили возглавить оперную студию при Московском Доме ученых, поставил там «Русалку», «Моцарта и Сальери» и «Алеко» (в «Алеко», кстати, сам читал пушкинский текст)... И здесь со мной был Пушкин.